Пушкин А.С. (музей)
13.05.98
278
Культура. — 1998. — 29 апр. — 13 мая. — с.5

Заповедная тема,

или Первая российская беда – всегда первая

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

Эпиграф первый

Сумасшедше-снежной и солнечной нынешней весной ваш корреспондент – я то есть – отправился в Пушкинские Горы на машине.

Разных причин было много. Практическая: обеспечить себе свободу передвижения. Пресса теперь, как Церковь, отделена от государства, и слава Богу, но есть и недостаток: заезжим корреспондентам никто транспорт предоставлять не хочет.

Причина профессиональная: в дороге можно брать попутчиков, а это ж старый фокус – "эффект попутчика": по-современному его можно бы назвать "синдром правого сиденья". Оказываясь на нем, человек начинает выбалтывать такое, чего на исповеди бы не сказал, впору руль бросать и хватать блокнот...

Третья причина романтическая. В Музее Пушкина в Торжке (его можно назвать "музеем командировочного быта") есть цифра: Александр Сергеевич за жизнь свою проехал 35 тысяч верст. Понынешнему, конечно, скромная "шестерка" наматывает столько на спидометр за полтора года. Но при тех-то скоростях!.. Сколько же это часов и месяцев "то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком", сколько станционных смотрителей и их пометок в подорожных... Не расстояния ли российские с неспешностью их преодоления дали нам лучшую литературу?

Ну и последняя причина – медицинская, что ли. Захотелось вбрызнуть себе малость адреналинчика. Чтобы жиром не зарастать, чтоб служба медом не казалась.

Сполна, доложу я вам, удалось!

На границе Псковской и Тверской областей по Рижскому шоссе, в унылом, но густом лесу, стоит огромный дорожный указатель на бетонных столбах: "Внимание! На следующем участке дороги (30 км) часты случаи нападения на водителей. Будьте осторожны!"

В дорогу меня, как обычно, собирала жена, и ни бронежилета, ни "калашникова" мне не сунула. Быстрее 60 – 70 км в час по нечищеным ледяным надолбам "шестерка" моя ехать не может: как, спрашиваю, могу я быть осторожным?

Спрашиваю у местных мужиков на ближайшей заправке. Они тут же объясняют: хоть генерал ГАИ будет тебя останавливать на "форде" с мигалками, хоть женщина будет руки заламывать и к тебе простирать над окровавленным телом якобы сбитого мужа – ни в коем случае не останавливайся до стационарного поста ГАИ. Там расскажи обо всем... Впрочем, добавили, взглянув на мою верную "шестерку", тебе ничего не грозит. На этом участке за два месяца убили пятерых водил, но все – с грузовых "мерседесов" и "вольв", идущих из-за бугра с электроникой или выпивкой, вот их объявление и касается... Да, но тогда надо хотя бы по-английски написать, если уж не на всех европейских языках, и пояснее как-то, поконкретней!.. Ага, осклабились собеседники мои: не соблюдай, мол, сэр или херр, законов этой страны, а то хуже будет – так, что ли?

Выходит, замечательное обращение было написано дважды эзоповым языком – намеком, да еще на незнакомом адресатам наречии. Бывает, конечно, что прямо писать как-то неловко. Но все-таки, размышлял я, внимательно разглядывая мелькавшие придорожные кусты, все-таки, черт возьми, – надо!

Эпиграф второй

В райцентре Пушкинские Горы, в бывшем районном ДК, а теперь культурно-досуговом центре, выступал с отчетом о первых двух годах своего выборного срока глава местной администрации.

Александр Владимирович Жуков стоял на сцене, где когда-то прошла премьера свиридовской "Метели", и сам автор дирижировал исполнением, где пели Козловский, Поль Робсон, Нестеренко и Образцова. Это было во времена, когда Пушкинский заповедник посещали до 600 тысяч туристов в год, во времена профсоюзных путевок, Семена Степановича Гейченко и неуехавшего еще Довлатова, тогда только собиравшего материал для трагически-гомерического "Заповедника".

– Говорят, товарищи, – сказал глава, – что у нас теперь все плохо. Но это, конечно, не так. Скажу по школам. В прошлом году, и это подтверждает главврач нашей СЭС, впервые за всю историю Пушкиногорского района нам удалось полностью ликвидировать в школах вшивость. А в селе Исса в школе установили унитазы, и запах исчез...

– ...ть некому, потому что, – прокомментировали рядом со мной в зале. – Кто теперь детей рожает?

Но это едкое замечание меня уже не отвлекло. "Ужели, – ошеломленно думал я совершенно пушкинским текстом, – ужели слово найдено?" И понимал, что не только слово – тема, тема найдена, поймана, понята – и теперь уж может быть растолкована другим.

Конечно, не всем. Очень много найдется таких, кто, едва услышав, о чем речь, ни секунды даже вдуматься не захочет, а закричит сразу: кощунство, издевательство, глумление!.. Как, мол, можно говорить об этом, да еще в преддверии двухсотлетия гения, о котором другой гений сказал: "Пушкин – это наше все".

Отвечать на такие крики трудно. Да, конечно, тема очень заповедная, писать о ней, да еще в связи с юбилеем национальной святыни, трудно и боязно. Да ведь, любезные, мы и не писали никогда. Ну уж раз-то в двести лет – можно?..

Мы этак тихонечко совсем. Даже и слова такого говорить не станем – унитаз, а скажем деликатно, например, "удобства". Но только на этом чтобы все эзопства исчерпать – остальное уж выразим попрямее, так, чтобы было понятно даже водителям трейлеров, даже тем, чьи знания российских реалий еще меньше водительских, – молодым, например, телезрителям, уверенным, что выражение "это наше все" относится к жевательной резинке "Ригли-сперминт".

Зачем была ссылка

Пушкина царь сослал в Михайловское, которое тогда еще не было центром Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника, не входило в президентский список особо важных культурных объектов РФ.

Сослал за вольнолюбивые стихи. То есть за такие, где говорилось, что в России маловато удобств, а особенно их мало (стихотворение "Деревня") в сельской местности. Царь сам знал, что их мало, но у Пушкина получалось, что виноваты самодержавие (вроде президентского правления, только о-очень прямого и совсем без выборов) и крепостничество (жесткая организация агробизнеса). А царь и его команда, наоборот, думали, что без этого не обойтись, потому как народ совсем дикий и удобствами не пользуется.

Они думали, что если сослать Пушкина туда, где удобств еще меньше, чем в городе, ему станет не до стихов. А друзья к нему не поедут, потому что дороги и тогда были плохие, хоть и без сегодняшних объявлений. И тусовка его забудет (она называлась "свет"), успокоится, а он без нее совсем зачахнет.

Но Пушкин был гений, и ничего не вышло. Друзья приезжали, и он им так радовался, что в стихах называл "бесценными". Вообще ссылка его научила новому языку, как скворца в накрытой клетке. Он стал замечательно видеть и понимать окружающее, сделался реалистом и энциклопедистом русской жизни, а тусовка учила наизусть теперь про то, как "бегает дворовый мальчик, в салазки жучку посадив".

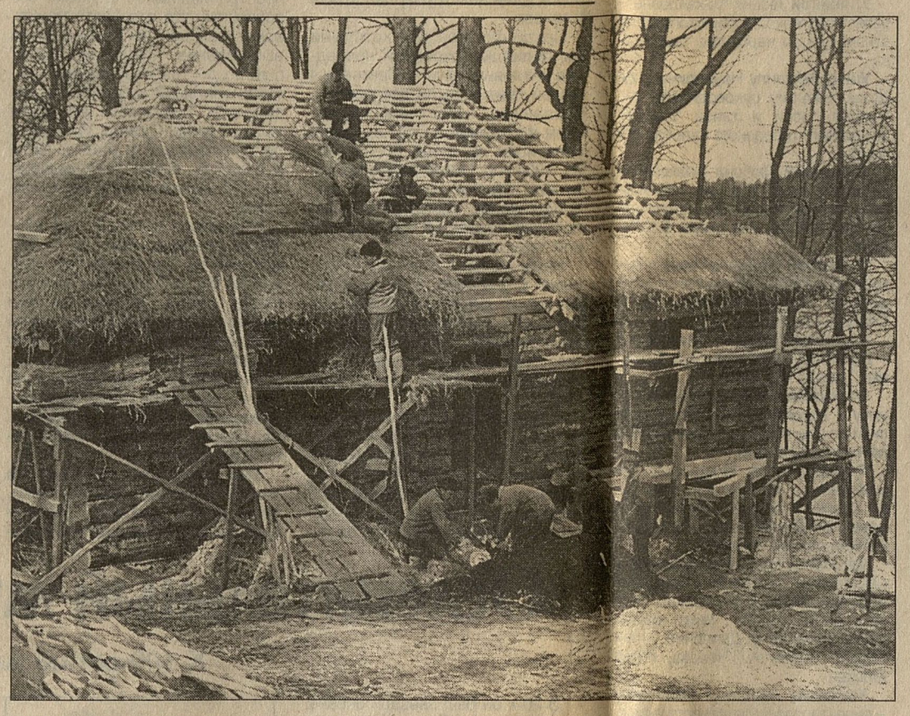
В общем, ссылка своих прямых задач совершенно не выполнила, а выполнила совсем другие, историко-литературные и природно-ландшафтно-заповедные. Пушкина из нее вернули и вольнолюбивые стихи простили. Но выводов из них не сделали никаких, и ни в России вообще, ни в сельской особенно местности удобств совсем не прибавилось.

Заповедная, вольнолюбивая тема отсутствия удобств оставалась актуальной, и Пушкин к ней возвращался в прозе: "Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор – даже эта елка... – ничто, кажется, не изменилось". Гений чувствовал, что к добру такая заповедность-неизменность не приведет. Но Государство Российское ее сохраняло.

В столетие Пушкина, девяносто девять лет назад, Михайловское было выкуплено у наследников в казну, а в 1911 году здесь открылся первый музей-усадьба в России. В этом же году застрелили Столыпина, больше всех пытавшегося изменить деревню.

В феврале 1918 года были дотла сожжены и разграблены Михайловское, Тригорское и Петровское. В этом же году убили царя с семейством.

Мало прощать вольнолюбивые писания – надо к ним прислушиваться. Гений призывал помнить о народе и не обозлять его.



Вверху: Реставрация дает заработать местным мужикам; Вот они, главные незаповедные мишени заповедника – Василевич и Агальцова
Внизу: панорама Тригорского

Зачем нужен заповедник

Легендарный директор Гейченко, отдавший музею полвека жизни, был аристократом духа. Он считал, что прямые потомки тех, кто сжигал Михайловское и Тригорское, работать в заповеднике не должны. Штат музея при Семене Степановиче достиг численности в три почти сотни человек, но все это были приезжие.

Конфликт усадьбы и деревни, в 1824 году приведший сюда политического ссыльного, взвившийся кострами в 1918-м, продолжался, таким образом, до 90-х. Отголоски его звучали в моей ржавоватой машине, когда попутчики один за другим признавались, что в заповеднике не были. Были тут, конечно, и Пушкиным еще замеченные "леность и нелюбопытность", но был и элемент уже не классовой – человеческой обиды: "Нас один раз не хотят – мы семь раз не хотим!.."

Георгий Николаевич Василевич, нынешний тридцатисемилетний директор Михайловского, рассказывает о двух случаях, когда преодолеть отчуждение заставил сельский конформизм, оглядка на людей, на *мир*. Пришел дембель из здешних: два года ему в армии завидовали, что он из такого известного места, а он два года скрывал, что в музее сроду не был. Тетка, живущая через улицу от Святогорского монастыря, первый раз в жизни попала в санаторий, соседка по палате все вздыхала: какая ж у вас там красота, а памятник какой у Пушкина – и вот она пришла взглянуть, улицу перешла...

600 тысяч человек в год бывало в восьмидесятые. Гейченко запрещал слова "туристы", "экскурсанты" – только с пафосом – "паломники". В 1991-м приехало всего 40 тысяч. К 1995-му выправилось до 160 тысяч человек, и так сейчас остается. Едут по-прежнему из Белоруссии и Прибалтики – *интуристы* с визами, и рассказывают, что Пушкина в школе осталось два часа в курсе "зарубежная литература", и наизусть не задают...

Думал ли Достоевский, произнося знаменитое "наше все", что Пушкин количеством своих гостей будет диагностировать культурную, политическую, экономическую ситуацию в бывшей империи?

Долго ей еще разбираться, с чем едят индекс Доу-Джонса, а индекс Александра Сергеевича понятен. Заглянуть в заповедник – и узнать, как дела в России.

Гений и удобства – две вещи несовместные?..

А дела известно как – ругаются. Особенно достается Василевичу – в центральной прессе и в разных «телегах» по инстанциям. Главный грех – что он не Гейченко. Другие грехи помельче, но тоже возмущают – что экономист по образованию, что приехал из Белоруссии, что молод, что взялся за подготовку к 200-летию, самый крупный по масштабам бюджетных вложений и объему работ проект реставрации-реконструкции усадеб и парков.

Только заголовки перечислить: "Синдром бульдозера в Тригорском", "Прибыльный Пушкин", "Прости, Тригорское!", "Кто попарится в пушкинской бане?" – и сразу пахнет скандалом и сплетней, а уж из ярлыков, наклеенных на директора, самый невинный – это "Лопахин, погубитель вишневого сада".

С Лопахиным Василевич схож только наличием бороды, да и то она совсем не купеческая. У директора внешность, скорее, очень интеллигентного священника, интересная внешность, но куда, на мой взгляд, интереснее его программа развития заповедника. Пухлая, подробная, обмозгованная и обосанная до словечка, включающая десятки направлений от архивной деятельности, создания новых коллекций и реставрации строений, насаждений, водоемов до рекламно-издательской деятельности, квартирных вопросов сотрудников и утилизации отходов. Василевич – гейченковский "доброхот" со стажем, не один свой преподавательский отпуск проработал в заповеднике, проблемы знает давно. Главная же и самая крамольная мысль его объемных писаний – даже не частичная самоокупаемость музея, а еще серьезнее и проще: развитие заповедника не должно противоречить интересам местного населения, а должно их учитывать.

Перевести на язык лозунга – выйдет в нашей истории беспримерно: лучше в усадьбе – лучше в деревне!

Вторая пристрелянная мишень печатных нападок – Валентина Александровна Агальцова.

Она член-корр. РАН, ученый с уникальной специальностью – парковед. Не только ученый – практик. 133 парка восстанавливала своими руками по всей России, и нет, кажется, музея-усадьбы, где бы она не работала. Тарханы, Константиново, Ясная Поляна, Останкино, Архангельское, Щелыково, Поленово, Болдино... Книгу Валентины Александровны "Сохранение мемориальных лесопарков", вышедшую двадцать лет назад, читаешь сегодня, как... Ну, во-первых, как библиографическую редкость – давно бы пора переиздать; и не просто переиздать, а дополнить замечательными опытами и открытиями автора последних лет, да проиллюстрировать волшебными пейзажами... Удивительное чтение! Представьте, что читаете одновременно Аксакова, Пришвина – и Лихачева с Бонди, плюс Андроникова... Колдовство природы – и философия, история культуры, литературоведение – и чуть не детективные по занимательности сюжеты разгадывания вековых загадок, зашифрованных в старых парках.

...Много лет назад – гораздо больше, чем можно поверить, глядя на эту энергичную, очаровательную женщину – знакомые упросили ее взять в летнюю экспедицию их сына. На трудовое, так сказать, перевоспитание полного оболтуса и лентяя, хотя не без божьей искры и книгочея.

Эти экспедиции – адский труд, потому что специалистов мало, и как сажать, копать, подрезать, подвязывать, стричь Агальцова всех учит сама, своим примером, и сотни гектаров лесопарков проходит пешком сотни раз, и в этом, видимо, секрет ее вечнозеленого очарования.

В то лето она мучилась над загадкой парка в Спасском-Лутовинове. Четыре липовые аллеи, парно перекрещенные, и главная подъездная дорога к усадьбе в плане образовывали римскую цифру XIX, и считалось, что Иван Иванович Лутовинов, дед Тургенева, такой планировкой парка отметил дату его закладки – поместье строилось на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Считалось всеми, но не Агальцовой – ей мешали два симметричных полукружия, образованных тесно посаженными липами по верхним внешним концам той якобы цифры. Мешающая деталь, не укладывающаяся в гипотезу – и приводящая к открытию...

Липы уцелели не все, но Валентина Александровна на коленях излазила тот участок парка, нащупала пеньки, остатки спиленных или в войну погибших деревьев – нет, точно были полукружия!..

По пеньку, даже вросшему в землю, профессор Агальцова может определить не только возраст дерева в момент гибели, но и причину этой гибели, и дату ее... Я как-то попросил Валентину Александровну перечислить дисциплины, знания которых требует парковедение. Она стала называть, я – записывать, и к началу третьего десятка запросил пощады. Помимо метеорологии и ботаники, картографии, источниковедения и иконографии, там были архивное дело, лесопатология и даже дендрохронология...

И все они не помогли в загадке полукружий, а помог трудновоспитуемый оболтус, целыми днями уклонявшийся от работы и не расставшийся с диковинного вида небольшой, но толстой книгой.

Однажды вечером он постучался к Агальцовой.

– Валентина Александровна, вы, наверное, не знаете, но я увлекаюсь хиромантией, – в руках у него была та самая книга. Агальцова сухо изобразила удивление. Оболтус как ни в чем не бывало продолжал. – У меня руководство начала прошлого века, я в редком фонде взял. Посмотрите, вот тут кабалистические знаки. А вот это, целая таблица – эмблемы масонских лож. Вот, взгляните, – две пары скрещенных мечей, и симметрично на их кончиках – два полумесяца. Растущий – символ рождения, и ущербный – знак смерти, старости. Вы узнаете?

Перед ней был план их парка. Никакая не цифра XIX – дорога оказалась ни при чем – а эмблема ложи, к которой принадлежал Лутовинов, как и большинство вельмож конца золотого дворянского века, когда Екатерина направо и налево жаловала имения и одновременно закручивала гайки – запретила масонство...

Остаток ночи Агальцова провела, срисовывая из редкой книги всю таблицу эмблем с их толкованиями. В те времена, чтобы снять ксерокопию, надо было получить не одну разрешающую подпись, а если бы она объявила руководству Лесотехнического института или Лесопарковой экспедиции, что желает скопировать кабалистические, сиречь масонские знаки... Она срисовывала и испытывала удивительное чувство. Словно всю жизнь (а у нее за плечами было уже несколько десятков парков) она вот так же слепо копировала какой-то зашифрованный, для нее бессмысленный текст, и только сейчас ей дали ключ от шифра. Она считает главной задачей – раскрыть, как сама это называет, идейно-художественный образ парка.

В парке Тригорского, заложенном в ту же эпоху, Валентина Александровна легко читает на плане уже знакомую символику. Это была традиция ландшафтной парковой архитектуры России конца XVIII века, традиция фрондерская и потому негласная, а сегодня это научное культурологическое открытие В.А.Агальцовой.

Патриотический орган пишет, что Агальцова пытается сделать из Пушкина жидомасона...

Некоторые утверждают, что к двум главным русским бедам еще пушкинской поры – к дуракам и дорогам – прибавились сегодня три новые: перхоть, кариес и критические дни. Может, оно и так, но, видно, первая российская беда вовеки останется "всегда первой"...

"Прикрываясь благими реставрационными намерениями, – написано в "телеге" в Госдуму, – воротилы бизнеса и их покорные слуги пытаются превратить Тригорское, Михайловское, Петровское в источник прибыли и увеселений".

Не сказано, кто из Василевича и Агальцовой "воротила", а кто "покорный слуга". Дума шлет проверку. И таких "сигналов", таких проверок, нервотрепок, унижений за два последних года не счесть. Сигнал: Агальцова пилит мемориальные деревья, а Василевич продает их как деловой лес или отправляет на взятки чиновникам Минкульта... Действительно, пилили старые елки, которые еще Гейченко пытался лечить после войны. Единственной на фронте уцелевшей рукой замазывал дупла, обкладывал корни перегноем... Агальцова с горечью душевной поставила елям диагноз: неизлечимы, опасны для окружающих деревьев – и проходящих внизу людей. Насчет же делового леса... Одну ель попробовали распилить на дрова (электроотопление появилось только в отреставрированной усадьбе Тригорское этой весной). Директор лесопилки пришел к Василевичу ругаться: "Ну, вы даете! Мы на одной вашей елке шесть полотен у циркулярки поменяли!" И положил на стол кучку ржавых кусков металла. Это были осколки немецких и наших снарядов, вросшие в бедное дерево.

Пишут еще, что завышают в музее стоимость работ... Да ведь сама же Дума, в два раза секвестировав сумму, отпущенную бюджетом заповеднику к 200-летию, сделала всю концепцию-программу Василевича шедевром чисто теоретическим – денег еле-еле хватает на реставрацию зданий и парков, какое уж завышение.

"Не вижу ни корысти, ни стяжательства Василевича Г.Н.", – отвечает Думе очередной проверявший, председатель Псковского обкома профсоюза работников культуры. "А если, – продолжает он же, – будет цивилизованный туалет, а не привычная российская конструкция "Ме"–"Же", от этого не проиграет Пушкиногорье, и не будет ранена память ни Гейченко, ни Пушкина".

Тогда заходят с другого конца. "Захочет ли тень Пушкина, – рыдает очередной автор, – прилететь в цивилизованный, по меркам XX века, уголок?.."

То есть автор с уверенностью кадрового спирита-медиума утверждает, что до злополучных (и далеких еще) мерок тень прилетать хотела...

Когда райкоммунхоз вообще не занимался вывозом мусора с тысяч гектаров заповедника, и его сваливали по откосам Сороти "вне пределов видимости"...

Когда тот же "хоз" не справлялся всего с двумя конструкциями "М" – "Ж" в Тригорском и их, миль пардон, выгребными ямами; когда Облкомприроды запретил эксплуатацию "конструкций", – в каких же позах прилетавшая тень заставала тысячи туристов в поэтически-уединенных уголках парка, под мемориальными кронами?..

Хватит. В одном нормально функционирующем унитазе, теперь наличествующем в отреставрированном Тригорском, больше любви к Родине и к Пушкину, чем во всех "патриотических" воплях и ябедах, сколько бы их еще ни было.

Послесловие

Секвестр бюджета, уполовинивший сумму, убил надежду Пушкиногорья на газификацию. Теперь уж, видно, только к трехсотлетию... А ведь всего-то полста верст до "трубы", идущей в Прибалтику!

Зато колоритнее становится отчет главы райадминистрации, уже нами цитировавшийся. Послушаем еще:

– Да, мы пилим дровы! Потому что и хлебо-, и маслозавод на них перешли – котельная у нас хорошая, но мазут дорогой...

– Что творится в бане? Я был – трое человек бреются, один штаны полощет. Где СЭС?!

И вот такое заявление Александра Владимировича:

– Я принял решение. Меня многие отговаривают, но вы мой характер знаете: решил – значит все. Перед Пасхой мы на целую неделю включаем во всем райцентре теплую воду!

В зале одобрительный шум. Умна жена, коль полна бочка пшена, утверждает пословица, а тут, значит, наоборот – политиком легче быть без газа...

На обратном пути я заблудился. Загрелся на дорассветный михайловский лес, на заснеженные деревья в дальнем свете фар – и показалось, что сбился. Во всей деревне Кириллово горело одно окошко, я подобрался по сугробам и заглянул в него.

Маленькая старушка возилась у настоящей русской печки. Я постучал в окно, думая, как сейчас громко придется орать-объяснять, чего в такой час распонадобилось. Она, не оглянувшись даже, подошла к гвоздям на стенке, рядом с печью, сняла сначала косынку, повязала, потом теплый платок побольше. С другого гвоздя сняла затем нечто, что только и можно было назвать старомодным ветхим шушуном, стала надевать.

Я вспомнил, как Довлатов читал туристам "Ты жива еще, моя старушка", и стало смешно и тепло. Тут послышались ее шаркающие шаги в сенях, и я набрал воздуху.

Но дверь просто открылась, и все. Бабушка стояла на пороге, еще не видя меня со свету, закутанная и маленькая. Сказала, что еду я правильно в райцентр. А далеко ли еще – до Бежаниц, или до самой Локни? До Москвы, ответил я, и она вздохнула: "Далеко... Дак, может, чайку попьешь?"

Я улыбался потом до самых Бежаниц, крутил головой до Локни и Великих Лук, и до самой Москвы жалел, что отказался, дурак – от неожиданности.

Москва – Михайловское

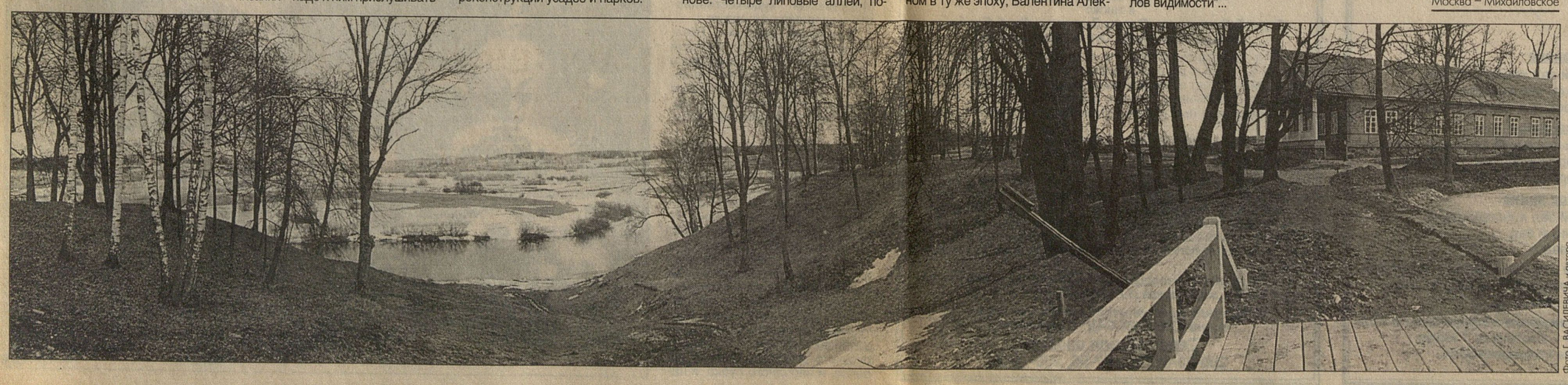


Фото Г. ВАСИЛЕВИЧА и автора

ХРОНИКА

Тень Пушкина его усыновила...

В Государственном музее А.С.Пушкина открылась уникальная выставка собрания Александра Федоровича Онегина (1845—1925), посвятившего свою жизнь "благоговейной памяти" Пушкина. Кто же был тот, кто сказал о себе, перефразировав известную строку, "тень Пушкина меня усыновила"? Русский по происхождению, еще в юные годы он изменил свою фамилию Отто на фамилию пушкинского героя, которая впоследствии была закреплена за ним указом Александра III. В Париже, где Онегин провел большую часть жизни, он основал первый в мире пушкинский музей. Александр Федорович много лет дружил с сыном поэта В.А.Жуковского, художником П.В.Жуковским, который передал Онегину 60 пушкинских рукописей, все бумаги отца, относящиеся к дуэли и последним дням Пушкина, план квартиры на Мойке, один из первых отливов посмертной маски поэта. Благодаря близкому знакомству с И.С.Тургеневым Онегин смог пополнить свое собрание ценными экспонатами, семейные реликвии пожертвовали музею потомки А.О.Смирновой (Россет), графини Е.П.Ростопчиной. Книжная Пушкиниана включала более 800 названий – здесь почти полное собрание литературы о поэте за 100 лет: все прижизненные издания его произведений, их переводы, альманахи, газетные и журнальные статьи. Александр Федорович был связан с крупными антикварными и букинистическими фирмами Европы и России, ему удалось пополнить свои коллекции бесценными автографами Глинки и Бетховена, Байрона и Вагнера, Гейне и Листа, многих других гениев. Библиотека Онегина, насчитывающая 3500 экземпляров, поражала уникальностью изданий. Еще в 1908 году начались переговоры с Онегиным о приобретении его музея для Пушкинского дома Императорской академии наук, и через год был подписан договор, по которому Онегин уступил свое собрание академии, оставаясь его пожизненным хранителем. И даже октябрьский переворот в России не изменил его решения: в 1920 году Александр Федорович составил завещание, которым подтверждал право Российской академии наук на свой музей. Шли годы, и так получилось, что некогда единое музейное собрание, завещанное Пушкинскому дому, хранится ныне и во Всероссийском музее А.С.Пушкина, и в библиотеке Академии наук, и в Эрмитаже. И вот впервые осуществлена попытка вновь воссоединить экспонаты – рукописные, книжные, музейные коллекции.

"Непричесанная" биография

В Российском фонде культуры состоялась презентация новой и весьма необычной книги по Пушкинской программе фонда: Л.М.Аринштейн "Пушкин: непричесанная биография". Москва, издательский дом "Муравей". 1998 г.

Это давно ожидавшаяся книга, о которой Никита Михалков, познакомившись с ней в тогда еще не завершенной рукописи, писал автору: "Всю дорогу из Москвы в Канаду и до сих пор нахожусь под впечатлением Вашей блистательной работы. По уровню размышления, глубине анализа и пониманию движения души гения Пушкина мне редко доводилось сталкиваться с чем-либо подобным. Поздравляю Вас от всей души и благодарю за то, что дали мне возможность с Вашей помощью окунуться в эту пугающую и завораживающую глубину нашего гения Александра Сергеевича".

Серьезным открытием автора стало умение рассказать о Пушкине словами самого Пушкина. Как известно, поэт сжег свои записки, а сохранившиеся дневники охватывают только незначительную часть его жизни. Однако никому не приходило в голову, что есть лирический дневник Александра Сергеевича, охватывающий всю его жизнь: это его лирика. Автор книги впервые воспользовался этим "дневником": именно сквозь призму лирики Пушкина в книге просматривается его биография. В результате Пушкин предстает перед читателем живым человеком, без привычного хрестоматийного глянца.

Удивительно раскрывается таким образом сама лирика. Обычно авторы пишут о крупных сюжетных произведениях Пушкина, а в лирике отмечают только особенности стихосложения или литературные традиции. Теперь благодаря необычному подходу лирика впервые предстала как содержательное целое и тем самым заиграла всеми красками и своей "завораживающей глубиной".

Елена ГРАНДОВА